Интервью с Аттаэром Закой Майгой,

координатором по вопросам взаимодействия*

Аттаэр Зака Майга родился 10 мая 1963 года в поселении Биа округа Бурем, расположенном в провинции Гао в Мали. Всю свою жизнь посвятил работе в Международном движении Красного Креста и Красного Полумесяца: в 1987 году стал добровольцем в Малийском Красном Кресте, с января 1988 года по июнь 1990 года занимал должность диетолога в пилотном центре восстановления и просвещения в области питания Международной Федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца в Буреме. В 1990–1991 годах консультировал ряд организаций, в том числе World Vision и ЮНИСЕФ.

В апреле 1992 года стал сотрудником местного представительства Международного Комитета Красного Креста (МККК). С того времени сменил ряд должностей. В 1996–2000 годах отвечал за представительство в Гао, в котором насчитывалось почти 100 сотрудников — как местных, так и иностранных (граждан других стран). В 2001–2006 годах руководил программами МККК в Северном Мали, в 2007–2008 годах возглавлял представительство организации в столице Мали — Бамако, а в 2009–2011 годах отвечал за связи с общественностью в Мали. С ноября 2011 года по ноябрь

* Интервью проведено 30 апреля 2021 г. в дистанционном формате. Вопросы задавали Ирене Эрбе, руководитель подразделения МККК по международным проблемам и негосударственным вооруженным группам, и Жером Древон, советник МККК по вопросам, связанным с негосударственными вооруженными группами.

2014-го возглавлял отделение делегации МККК в Северном Мали, став одним из первых местных сотрудников, поставленных во главе отделения делегации. С 2015 года занимает пост координатора по вопросам взаимодействия в Малийской делегации МККК.

В 1996 году выступил инициатором осуществления постконфликтных программ МККК в области сельского хозяйства, ветеринарии и здравоохранения у себя на родине. В 2009 году реализовал пилотный проект поддержки мигрантов в Кидале, на севере Мали. Благодаря этим ценным инициативам в 2010 году получил приглашение принять участие во встрече в Монтрё, на которой были заложены основы для происходящих сейчас реформ.

Стал первым контактным лицом в Мали для подразделения МККК по международным вопросам. Благодаря этой работе глубже понял тенденции, наметившиеся в исламском мире, и помог МККК скорректировать взаимодействие с джихадистскими вооруженными группами. В этом интервью г-н Майга рассказывает о своем обширном опыте работы с одной из старейших гуманитарных организаций и пользуется возможностью поделиться своим пониманием взаимодействия МККК с вооруженными группами, которые контролировали Северный Мали в 2012 году, когда он представлял МККК в этом регионе.

Окончил Институт управления и прикладного языкознания в Бамако по специальности «Государственное управление».

Ключевые слова: Сахель, негосударственные вооруженные группы, переговоры по гуманитарным вопросам, Гао, операция «Сервал», военное вторжение.

: : : : : : :

1. Доброе утро, Аттаэр! Спасибо, что согласились поделиться своим опытом взаимодействия с вооруженными группами в Сахельском регионе. Прежде всего, не могли бы вы рассказать нам о том, в какой обстановке вам пришлось работать до начала военных операций Франции в Мали в январе 2013 года? В чем заключалась роль МККК в тот период и как вы взаимодействовали с соответствующими вооруженными группами?

До прибытия французского военного контингента в 2013 году оперативная обстановка в Мали была сложной просто в силу большого количества различных вооруженных групп, действовавших в этом районе; в их числе были Национальное движение за освобождение Азавада, организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, группировка «Ансар ад-Дин» («Защитники веры») и Движение за единство и джихад в Западной Африке (ДЕДЗА). Эти вооруженные группы захватили контроль над Северным Мали, произошла эскалация вооруженного конфликта, и государство не смогло обеспечить оказание основных услуг населению в этой части страны; сложившиеся обстоятельства привели к существенному обострению потребностей и уязвимости граждан. В условиях такого разнообразия гуманитарных потребностей МККК начал работу на севере страны,

в частности в таких городах, как Гао, Томбукту и Кидаль. В 2012–2013 годах мы были одной из крупнейших гуманитарных организаций в этом регионе и старались удовлетворить основную массу потребностей населения. В рамках оказания гуманитарной помощи мы раздавали еду, устанавливали системы водоснабжения и строили местные медицинские центры. Эта работа помогла нам завоевать доверие гражданского населения и вооруженных групп в Мали; наш авторитет сыграл ключевую роль в построении прямого диалога с этими группами.

Мы предпринимали попытки вступить в контакт с вооруженными группами в Мали еще в 2007 году. Первым делом мы связались с главами местных сообществ, чтобы они помогли нам получить к ним прямой доступ. Затем направили письмо через посредника, на которого мы вышли в 2010 году в Томбукту, выразив желание вступить в диалог с моджахедами; к письму был приложен документ на арабском языке с описанием МККК, нашего мандата, принципов и деятельности. Эти первоначальные попытки оказались бесплодными. В 2011 году мы направили те же документы еще одному контактному лицу в Кидале. И только в апреле 2012-го организация «Аль-Каида» в странах исламского Магриба подтвердила получение нашего письма и приняла меры для того, чтобы связаться с нами.

2. Как вы инициировали диалог с этими группами? Благодаря каким решениям МККК этот контакт стал возможен, и на какие уступки пришлось пойти?

Когда я находился в Бамако, со мной связался один из тех, кто ранее помогал нам наладить диалог с вооруженными группами. Он сообщил мне, что один из его друзей хотел бы встретиться с официальными представителями МККК. Я ухватился за эту возможность и сразу выехал в Гао, где должна была состояться личная встреча.

Решающую роль в установлении диалога с вооруженными группами сыграли наша репутация и авторитет в глазах местных сообществ. Наша гуманитарная деятельность в этом регионе пользовалась широкой поддержкой гражданского населения. Эта поддержка оказала значительное влияние на решение вооруженных групп вступить с нами в общение. Об этом мне четко сообщили сами члены вооруженных групп, по словам которых, гражданские лица назвали МККК организацией, достойной доверия, и предупредили о том, что всякий, кто нападет на нас, будет считаться напавшим на местные сообщества.

3. Не могли бы вы рассказать нам о своей первой встрече и о том, как вы оценивали риск перед приездом?

Я был в Бамако, и мне позвонил руководитель делегации МККК, который тогда базировался в Нигере. Он сказал, что со мной хочет познако-

миться один участник боевых действий. Я сразу же отправился в Ниамей. Делегация обо мне беспокоилась, учитывая то, с каким риском была сопряжена эта встреча. Я успокоил коллег, и мы подробно обсудили содержание всех возможных тем для предстоящей беседы, а также наши сильные и слабые стороны. Мне надо было хорошо подготовиться к этой важнейшей встрече. Затем я поехал в Гао. По прибытии меня представили местному высокопоставленному руководителю. После краткой беседы к нам присоединилась группа боевиков-моджахедов, в том числе один из лидеров организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба.

После обмена обычными любезностями я начал беседу с Мохтаром Бельмохтаром. Я спросил его о том, почему он пожелал встретиться с официальным представителем МККК. Он ответил, что знает о работе, которую ведет МККК, и уже встречался с представителями организации в 1990-е годы в Афганистане. По его словам, мы являемся авторитетной, серьезной организацией. На самом деле, он считал МККК наиболее достойной доверия из всех международных организаций, с которыми ему приходилось встречаться. После этого он сообщил, что у группы не хватает средств, чтобы полностью удовлетворить потребности гражданского населения, и что было принято решение переговорить с организацией, способной взять на себя эту задачу. По большому счету, они хотели получить от нас поддержку в области оценки потребностей местного населения и реагирования на них. Я сказал ему, что мы хотим помочь людям, пострадавшим от конфликта, но, к сожалению, не всегда можем получить доступ к таким сообществам. Кроме того, в ряде случаев продовольствие, которое мы пытались раздавать, уничтожалось членами вооруженных групп. Наконец, я сказал ему, что понял его просьбу, но не могу дать ответ сразу, поскольку мне необходимо посоветоваться с руководством по поводу дальнейшего порядка действий. Это была первая «официальная» встреча МККК с этими вооруженными группами.

4. Как вы начали завоевывать доверие этих групп? Как они воспринимали МККК?

Доверие сформировалось быстро; вскоре мы подтвердили свою готовность вступить в диалог с джихадистскими группами, смогли расширить поле своей деятельности на месте, оказать медицинскую помощь многим раненым и больным. Мы провели независимую оценку потребностей в провинции Гао, Томбукту и Кидале, раздали более 1500 тонн продуктов первой необходимости. Лидеры джихадистских групп были приятно удивлены тем, с какой скоростью мы развернули свою деятельность. Они были так довольны нашей работой на месте, что даже привлекли СМИ для освещения наших усилий по оказанию помощи нуждающимся.

Наша гуманитарная работа и профессиональный подход помогли сформировать у моджахедов доверие к МККК. В ходе своей деятельности мы попытались учесть некоторые их требования и рекомендации.

Например, они не желали, чтобы в нашей работе участвовали женщины или христиане. Мы приняли необходимые меры, чтобы не оскорблять их чувства в этом отношении. Однако по мере роста доверия к нашей работе для нас стали делать исключения. Например, если мы сталкивались с серьезной угрозой здоровью и у нас не было мусульманского врача соответствующего профиля, мы обращались к членам вооруженных групп и получали разрешение привлечь врача-немусульманина. Со временем благодаря сформировавшемуся доверию к нашей деятельности и нашему авторитету мы смогли направлять на работу христиан и сотрудников различных национальностей. Понемногу посредством переговоров мы смогли освободиться от разнообразных ограничений, которые ввели вооруженные группы в начале нашего официального взаимодействия.

5. Как вы думаете, почему группа согласилась на общение с МККК? Удалось ли вам расширить диалог за счет обсуждения других приоритетных направлений МККК, таких как ведение военных действий?

Как я упомянул ранее, на решение вооруженных групп вступить с нами в диалог во многом повлияло гражданское население и доверие, которое мы постепенно завоевали своей деятельностью.

Наше общение с джихадистами вращалось преимущественно вокруг здравоохранения, безопасности и получения доступа к нуждающимся. Несмотря на то что завоеванное доверие позволило нам постепенно расширить сферу своей деятельности и освободиться от некоторых ограничений, с которыми мы изначально сталкивались в своей работе, важно подчеркнуть, что диалог с вооруженными группами не распространялся на обсуждение аспектов международного гуманитарного права или международного права прав человека. Мы затронули эти вопросы лишь однажды, в августе 2012 года, в ходе организованной мною встречи с руководителем делегации в один из его приездов в Гао. На этой встрече Жан-Николя — глава делегации МККК — попытался поднять вопрос заложников и другие правовые вопросы, связанные с защитой людей, оказавшихся в условиях вооруженного конфликта. Однако его главный собеседник не был расположен обсуждать такие вопросы; в его представлении права человека определяются божественным законом, а не набором правил, установленных людьми. Позднее, начиная с середины 2020 года, делегации МККК удалось начать обсуждение вопросов, связанных с защитой, с некоторыми лидерами вооруженных групп.

6. Как развивались эти отношения со временем? Сейчас, оглядываясь назад, можете ли вы выделить какие-то конкретные этапы?

Моджахеды рекомендовали нам работать исключительно в соответствии со стандартами и принципами нашей организации. Кроме того, они просили немедленно сообщать им о любых попытках помешать нашей работе.

Решение позволить МККК исполнять свой мандат для оказания помощи нуждающимся было принято через шуру (консультативный совет). Мохтар Бельмохтар объявил другим членам данных вооруженных групп о том, что мы хотели бы вступить с ними в диалог. Было проведено заседание совета для обсуждения этого вопроса, и спустя два дня был достигнут консенсус. Мне сообщили по телефону о решении позволить МККК вступить в диалог с моджахедами во исполнение своего мандата. Стоит отметить, что совет был очень методичен в своем подходе.

В течение последующих девяти месяцев на месте не было ни одного инцидента, связанного с безопасностью: вооруженные группы обеспечивали нашу безопасность в приоритетном порядке. Тем не менее они запретили нам использовать эмблему МККК. Изначально была достигнута договоренность о том, что мы можем использовать альтернативную эмблему специально для этой операции — аббревиатуру МККК на белом фоне. Однако спустя три дня нам сообщили о том, что некоторые джихадисты не согласились с тем, чтобы мы использовали такую эмблему; среди них было отделение группировки «Исламское государство» под руководством Аднана Абу Валида ас-Сахрауи — там сочли, что альтернативная эмблема идентична эмблеме Красного Креста. В связи с этим мы были вынуждены работать в отсутствие какой бы то ни было отличительной эмблемы. В то же время моджахеды внедрили альтернативную систему идентификации, которая позволяла нам избегать проблем с безопасностью в ходе работы.

Перед тем как французские войска вошли в Мали, моджахеды связались со мной и сообщили, что не намерены вести военные действия в Гао и Томбукту, а тем более в Кидале, поскольку в этих городах проживает много гражданских лиц и вооруженные группы не хотят подвергать опасности мирное население. В связи с этим было принято решение вывести из городов боевые подразделения ради спасения жизни гражданских лиц. Кроме того, моджахеды заверили меня в том, что постараются дать нам возможность продолжать свою деятельность, где бы они ни находились.

После того как Франция начала военную операцию, по обе стороны конфликта появились новые вооруженные группы. В свете развития ситуации отсутствие у нас отличительной эмблемы затрудняло опознавание нас сторонами в конфликте в качестве гуманитарной организации. В связи с этим мы возобновили использование красного креста в качестве эмблемы, особенно ввиду повышенного риска нападений и воздушных налетов. К сожалению, это вызвало гнев некоторых вооруженных групп и привело к разрыву отношений с ними. Они заявили: «Мы сказали им не использовать эту эмблему, но как только вошли войска, как только прибыли белые, они предали нас и снова начали ее использовать». С точки зрения безопасности это был для нас очень сложный период. При этих обстоятельствах была похищена одна из наших групп.

Важно помнить о том, что динамика отношений внутри местных сообществ в этом регионе на тот момент играла против нас: МККК часто обвиняли в предвзятости в пользу того или иного сообщества. Учитывая

такое неблагоприятное развитие событий, я направил посланника для встречи с главой Движения за единство и джихад в Западной Африке, с которым я подробно пообщался по телефону. Я объяснил ему, что сложившиеся условия вынудили нас пойти наперекор их пожеланиям и возобновить использование эмблемы. Я четко пояснил, что мы не собирались бросать им вызов и что МККК остался такой же нейтральной и независимой организацией. В то же время с нами связался один из лидеров организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, который со своей стороны заверил нас в том, что его группа не имеет претензий к МККК и что в противном случае они сообщили бы нам об этом.

7. Не стал ли тот факт, что МККК вступил в диалог с некоторыми из этих групп, источником напряженности в ваших отношениях с европейскими вооруженными силами, особенно с французскими войсками?

Установление диалога с джихадистскими группами не создало никаких проблем или напряженности в отношениях между МККК и европейскими вооруженными силами в этом регионе. Я очень хорошо общался с представителями французских вооруженных сил как в рамках операции «Сервал», так и в рамках операции «Бархан». Мы тесно сотрудничали с европейскими вооруженными силами, которые понимали, что, будучи нейтральной организацией, мы поддерживаем диалог со всеми сторонами в конфликте. Например, по пятницам мы с региональным отделением составляли план работы на неделю, а на следующий день я встречался с представителями французских вооруженных сил и делился с ними нашими планами. Однако следует отметить, что некоторые члены наших групп не всегда тщательно соблюдали все правила безопасности, введенные европейскими вооруженными силами, и иногда получали от них нарекания.

8. Много ли было споров между лидерами этих групп и специалистами по исламу из гражданского общества относительно применения исламского права, в том числе уголовного? Можете ли вы рассказать о том, какую роль в этих дискуссиях сыграл МККК?

Мы не оказывали на эти обсуждения прямого влияния, поскольку эти вопросы в принципе выходят за рамки наших переговоров с вооруженными группами по существу. Однако мы пытались косвенно повлиять на их действия, участвуя во внутренних спорах между малийскими религиозными лидерами и лидерами вооруженных групп. Например, во время семинара по поводу сферы применения исламского права (шариата), который был организован в Бамако Высшим исламским советом Мали, мы распространили среди участников совета документы по соответствующим темам, в том числе примеры других областей и регионов, в которых работал МККК. Еще одна возможность повысить осведомленность вооруженных групп

о некоторых из этих вопросов возникла тогда, когда они обратились к нам за медицинской помощью в связи с проведением планируемых операций по отрубанию конечностей. Мы твердо отказались и, пользуясь возможностью, проинформировали их о том, что подобная практика запрещена.

9. Как вы обсуждали с ними вопросы медицинской помощи в опасной обстановке? С какими проблемами вам пришлось столкнуться и какие аргументы вы использовали для того, чтобы их разрешить?

Некоторые члены вооруженных групп встретились со мной и сообщили, что кто-то из среднего медицинского персонала, работающего в больнице, украл лекарственные препараты, предназначенные для нуждающихся. Был выявлен 21 подозреваемый, и вооруженные группы настаивали на том, что подозреваемых следует наказать в соответствии с исламским правом через отрубание руки. Я воспротивился этому предложению и немедленно поставил в известность главу делегации МККК. Руководство делегации провело переговоры с вооруженными группами, четко заявив о том, что, даже если подозрения окажутся обоснованными, решать, следует ли подвергать виновных наказанию, будет МККК. Впоследствии выяснилось, что обвинения были выдвинуты для сведения счетов. Некоторые члены вооруженных групп полагали, что в больнице работают информаторы, которые передают сведения правительству в Бамако. Этот случай мы тоже использовали для повышения осведомленности о правилах защиты медицинских объектов в ходе вооруженных конфликтов и для напоминания вооруженным группам о том, что их члены не всегда соблюдают эти правила. Позднее мы организовали для вооруженных групп семинар по вопросам медицинской помощи в опасной обстановке. Этот вопрос поднял глава делегации, который позвонил по телефону одному из их лидеров, а также попросил меня передать им сообщения от его имени.

Стоит также отметить, что вооруженные группы стремились поддержать свой авторитет, и это мотивировало их к тому, чтобы более открыто обсуждать защиту медицинских объектов.

10. Как повлияли на диалог с различными вооруженными группами конфликты внутри местных сообществ?

В 2012 году напряженность внутри местных сообществ была не такой сильной, как сегодня; ее воздействие на диалог с различными вооруженными группами было минимальным. Кроме того, мы пользовались доверием вооруженных групп, которые, как я отметил ранее, в явной форме согласились взаимодействовать с нами и позволили нам выполнять свою работу. Они были твердо намерены обеспечить нам условия для беспрепятственного ведения нашей деятельности. В каждом из регионов у нас был координатор, который курировал нашу работу. Мы могли обратиться к нему,

если у нас возникали проблемы. Кроме того, меня ежемесячно приглашали на встречу с эмиром, чтобы убедиться в том, что все идет хорошо. Что касается моей личной безопасности, то мой автомобиль никогда не досматривали, я пользовался свободой передвижений и статусом важного лица. Я обращался в исламскую полицию (хесбу) с ходатайством не арестовывать никого из сотрудников МККК; при возникновении проблем с участием кого-либо из членов нашей организации до совершения каких-либо действий следовало проконсультироваться с МККК.

Сегодня ситуация существенно изменилась; в Мали действует множество вооруженных групп, чьи цели и устремления не всегда ясны, хотя некоторые из этих групп пытаются облегчить нашу работу по мере поступления таких просьб с нашей стороны. Мы пытаемся завоевать доверие этого нового поколения вооруженных групп, которые, к сожалению для нас, незнакомы с нашей работой, но это дается нам с большим трудом. Наш авторитет и репутация по-прежнему являются нашим козырем в этом процессе, однако осуществлять гуманитарную деятельность сегодня гораздо сложнее, чем было в 2012 году.

11. Возвращаясь к вопросам более общего характера, насколько важен тот факт, что вы сами принадлежите к местному сообществу? Сталкиваются ли иностранные сотрудники с иными проблемами при установлении и поддержании диалога с вооруженными группами?

Прежде всего, должен отметить, что вооруженные группы пожелали вести переговоры не со мной как с человеком, а с МККК как с учреждением. Я был лишь посланником, через которого они могли общаться с МККК. При этом нужно признать, что мое происхождение оказало существенное влияние на характер отношений МККК с вооруженными группами. Я вырос в этом районе, мне знакома обстановка на месте, и это в некотором роде повышало мою легитимность в глазах местных сообществ и вооруженных групп — как арабских, так и туарегских. Кроме того, я уже занимался оказанием помощи уязвимым слоям населения в ходе прошлых конфликтов в Мали. Именно поэтому в 1992 году группы повстанцев выбрали меня в качестве основного посредника в диалоге между ними и МККК. Но важно помнить о том, что я одновременно принадлежу к МККК: работа в этой организации тоже сформировала мое поведение и мою личность. И несмотря на то что я родом из Мали, я стал тем, кем стал, в том числе благодаря своей подготовке и опыту, полученному в МККК.

Я принципиальный человек и во время работы на месте не позволяю себе действовать под влиянием эмоций. Помню, в 1990-х мое родное сообщество обвиняло меня в том, что я поддерживаю туарегов и арабов, поскольку региональное отделение, в котором я работал, оказывало помощь туарегским и арабским жителям, которые оказались в числе самых обездоленных. Четыре из девяти местных медицинских центров, которые мы построили в 1998 году, располагались в коммуне Таркин, где проживали

арабы и туареги. При этом в моей родной коммуне, где я был ответственным за реализацию местных проектов, такой инфраструктуры не было.

Кроме того, при подготовке отчетов о своей деятельности я без утайки фиксировал нарушения, совершенные членами моего местного сообщества в отношении туарегского населения, и никогда не занимался избирательным правосудием. Такие ценности и принципы привили мне мои коллеги из МККК, которым я бесконечно признателен. Эти факторы помогли нам установить и поддерживать диалог между МККК и вооруженными группами в Мали.

Разумеется, тот факт, что я вырос в Мали и хорошо знаю местные обычаи, способствовал выстраиванию диалога с вооруженными группами. Однако у меня нет никаких сомнений в том, что диалог с этими группами мог начать и поддерживать любой человек, независимо от своей национальной принадлежности, при условии соблюдения ценностей и принципов, которых придерживается МККК. Для того чтобы получить то же конкурентное преимущество, что и я, было бы достаточно попытаться понять местную обстановку, в которой действуют эти группы, а также социально-культурные нормы, характерные для этого региона.

12. Оглядываясь назад, можете ли вы сказать, чему научил вас этот опыт? Каких ошибок следует избегать международным организациям при установлении подобного диалога?

На мой взгляд, главная ошибка, которой не следует допускать с этими группами, состоит в невыполнении данных им обещаний. Помню, после самой первой моей встречи с одним из лидеров организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба он спросил меня, кого следует считать «правоверным» мусульманином. Я предположил, что правоверные мусульмане ежедневно молятся, ходят в мечеть и соблюдают закят (подают милостыню). Он ответил, что правоверный мусульманин — тот, кто держит свое слово и исполняет свои обещания. Эти вооруженные группы очень ценят лояльность. Поэтому я выступил против решения МККК прекратить подачу воды в Гао; эту новость мне передал в Ниамее один участник боевых действий, который очень беспокоился о том, что будет с нуждающимся населением. Я спросил его, откуда у него такая информация, и он ответил, что слышал ее по международному радио Франции (Radio France Internationale). Я заверил его в том, что это всего лишь слухи и что я получу более подробную информацию, как только приеду в Гао. Когда я узнал, что эти сведения на самом деле достоверны, я подал главе делегации МККК в Гао прошение об отставке. После этого я продолжил раздавать дизельное топливо общим объемом 20 тысяч литров к большому удивлению моджахедов, которые слышали по радио о том, что МККК сворачивает свою деятельность. Из этого они заключили, что слухи ложны, — и я с радостью это подтвердил. К счастью, впоследствии руководство МККК решило отозвать свое решение о прекращении работы.

13. Каким образом такая организация, как МККК, может «институционализировать» ваш практический опыт?

На мой взгляд, лучше всего было бы зафиксировать эти наработки в письменном виде и распространить эту информацию. Не надо бояться писать о своем опыте или фиксировать договоренности с вооруженными группами, тем более что они не запрещают нам это делать. Лично мой опыт был особенно полезен для других гуманитарных организаций, работающих в Мали, с которыми я сотрудничал в качестве советника.

Аттаэр, спасибо, что поделились с нами своим богатым опытом.